Текст · 29 апреля 2025, 12:53
Анна Павлова,

«Когда семья в оккупированном городе, я бы даже убийство Кеннеди взял на себя». Что мы знаем о деле «мелитопольской пятерки»

Весной 2022 года в оккупированном Мелитополе российские силовики задержали пятерых украинцев: одного военного ВСУ, троих резервистов теробороны и немолодого ветерана АТО. Две недели их продержали в подвале закованными в наручники и с мешками на головах, били, пытали током и в итоге заставили подписать признания в подготовке теракта у пункта гуманитарной помощи. После того как одному из украинцев пригрозили пытками родственников, он перерезал себе горло консервной банкой, но выжил.

Рассмотрение дела в Южном окружном военном суде в Ростове-на-Дону длилось два года, сначала процесс был открытым, но прошлой осенью его засекретили. Сегодня суд вынес приговор: мелитопольцы получили от 11 до 14 лет строгого режима. «Медиазона» напоминает об их деле и рассказывает, как проходил процесс, пока его не закрыли.

«Я принял решение покончить жизнь самоубийством. Повеситься я не смог. Поэтому я взял консервную банку и порезал себе руки. Было очень холодно. Я закатал рукава куртки, полоснув себя по запястью. Крови не было. Я повторил эту процедуру несколько раз, но результата не достиг. Потом я вспомнил, что резать надо по внутренней части локтевого сустава, но сил у меня было недостаточно.

Поэтому я взял консервную банку и полоснул себя по горлу. Кровь шла, но до артерии я не добрался — консервная банка была кривовата. Тогда я из стены вытянул гвоздь, на конце гвоздя был крючок — когда его забивали, видимо, он немножко загнулся. Этим крючком я разорвал себе горло и добрался до сонной артерии. Помню, как кровь фонтаном била в руку. В этот момент открылась дверь. Зашел человек, увидел это и сразу выскочил. Потом я моргнул — я лежу на входе, вокруг люди. Опять моргнул — меня на каталке тянут. Я пытаюсь пошевелиться, встать. Мне говорят: "Успокойся". Я прошу, чтобы меня добили».

Так военный из Мелитополя Игорь Горлов описывал[1] в суде попытку суицида после нескольких дней в плену, когда похитители пригрозили пытать током его родителей. К этому моменту, говорил украинец, он подписал уже все, что от него требовали, но силовики все равно считали, что он о чем-то умалчивает.

37-летний Игорь Горлов и еще четверо мелитопольцев — 46-летний Андрей Голубев, 44-летний Владимир Зуев, 56-летний Александр Жуков и 64-летний Юрий Петров — в заключении уже больше трех лет. В апреле 2022-го их похитили в родном городе, жестоко пытали, вывезли в аннексированный Крым, потом — в Москву, в подконтрольное ФСБ СИЗО «Лефортово», а последние два года судили в Ростове-на-Дону.

Сегодня, 29 апреля, Южный окружной военный суд назначил им от 11 до 14 лет строгого режима.

По утверждению следствия, пятеро украинцев собирались устроить взрыв возле пункта выдачи гуманитарной помощи в оккупированном Мелитополе, чтобы убить дежуривших там российских военных и пришедших за едой мирных жителей. Горлову, Зуеву, Голубеву, Жукову и Петрову вменяли участие в террористическом сообществе[2] и приготовление к акту международного терроризма[3]. Вины они не признали.

«Террористической группой» российское следствие называет Союз участников АТО из Мелитополя, которым руководил местный житель Владимир Минко. Он же возглавлял тероборону города, но успел покинуть его до полной оккупации.

Пятерка

Горлов

На момент похищения в апреле 2022 года действующим военнослужащим ВСУ был только Игорь Горлов.

Голубев, Жуков и Зуев состояли в резерве территориальной обороны, а ветеран боевых действий Петров вышел на пенсию еще за год до полномасштабного вторжения. До этого мужчины друг друга либо не знали, либо эпизодически пересекались по службе, настаивали они в суде.

Игорь Горлов окончил мореходное училище в Одессе и какое-то время был штурманом дальнего плавания на судах торгового флота, рассказывала

«Медиазоне» его мать Ирина. В последние годы он служил в 25-й авиационной бригаде ВСУ, а примерно за месяц до вторжения перезаключил контракт и перевелся на должность инженера-сапера в инженерный батальон части А2558[4], которая базировалась рядом с Мелитополем. Как сказал потом в суде Горлов, подразделение тогда «уже вышло на боевые задачи», но сам он в составе небольшой группы остался на базе.

«Игорь, естественно, не собирался никуда уезжать. А мы [с мужем] собирались, потому что понимали прекрасно, что Мелитополь — это ворота Крыма и что если что-то начнется, то начнется с Крыма, — объясняет мать военного "Медиазоне". — Хотя и муж говорил: "Куда ты собралась? Войны не будет". Хотя сам военнослужащий, бывший военный летчик, тоже не верил, что такое может быть. Но когда я стала смотреть выступление Путина за два дня, я прекрасно поняла. Первый удар пришелся на аэродром. Наш дом не так далеко, поэтому мы слышали этот страшный взрыв. Понятно, что началась война. Как все будет происходить, мы не знали, перед глазами — Вторая мировая. Это страшно. Не дай бог это кому-то пережить».

Игорь Горлов. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Самого Игоря российское нападение застало дома, у него был выходной, он отсыпался после суточного дежурства. Проснулся от взрывов, попытался

связаться с командованием и получил приказ оставаться дома, чтобы не попасть под обстрел. Спустя некоторое время Горлов решил все же добраться до части, но, приехав туда, обнаружил, что подразделение эвакуировалось. Тогда он отправился в штаб территориальной обороны, куда стекались другие украинские военные, отставшие от своих. Там Горлов встретил Владимира Минко и присоединился к теробороне, одним из организаторов которой тот был. Позже, когда Минко уехал, оставшийся в Мелитополе Горлов выполнял его поручения, например, перевез к себе брошенное в части оружие.

Мать Игоря уточняет, что украинская сторона не смогла вовремя эвакуировать всех военнослужащих из-за «форс-мажорных обстоятельств», а сразу после оккупации города на них началась «охота».

«У спецслужб российских уже были все списки. И началась в полном смысле охота на бывших военнослужащих, действующих, даже на пенсионеров, — говорит Ирина Горлова. — Кого-то задержали, кого-то нет, кто-то с ними сотрудничал. Поэтому люди прятались от них, старались не жить дома. И Игоря я почти не видела все это время. Связь была ужасная, мы бегали по городу, искали места, чтобы хоть как-то позвонить. Если удавалось, значит, буквально пару слов — и все, бегом трубку положить. И все общение было — какая-то эсэмэсочка придет с сердечком, какое-нибудь одно слово. Я знала: раз он написал, значит, все хорошо, он жив. Значит, он не у них».

О том, что сына похитили, женщина узнала 19 апреля; накануне у ее мужа, отца Игоря, был день рождения.

Сын не поздравил его. «Я уже поняла, что что-то случилось», — вспоминает она.

На самом деле Горлова задержали еще 6 апреля, но российские силовики продолжали слать с его телефона сообщения — и матери, и Владимиру Минко.

Ирина Горлова пришла к дому сына и узнала от соседей, что Игоря туда несколько раз привозили военные на машине с литерой *Z*. Мать пыталась разыскать его через военную комендатуру и «народную милицию», но там говорили, что Горлова у них нет.

Спустя пару дней знакомые прислали ей ссылку на новость российского госагентства: там говорилось, что Игорь арестован в Симферополе по обвинению в терроризме. На распространенном силовиками видео он заученно говорил, что «данное средство[5] нужно было оснастить взрывчатым веществом в переднем бампере автомобиля для поражения техники на дистанции ориентировочно в пять метров».

В следующий раз новости о сыне Ирина услышала только в августе 2022-го: ей сообщили, что Игорь находится в СИЗО «Лефортово» в Москве. К тому времени женщина смогла выехать из оккупированного Мелитополя на подконтрольную Украине территорию.

Отец Игоря не решился ехать вместе с женой, из-за тяжелой болезни и зависимости от диализа он боялся не пережить эвакуации и обещал попробовать позже, когда российские военные перестанут по несколько

дней держать беженцев на пропускных пунктах. Вскоре он умер.

Голубев

В один день с Горловым силовики задержали 46-летнего Андрея Голубева, тренера по кунг-фу и участника теробороны.

«Мой муж самый лучший, самый любимый. Он известный в Мелитополе тренер по кунг-фу. У него был зал "Белый тигр", и он руководил ассоциацией кунг-фу города, постоянно проводил соревнования, фестивали. Он очень активный человек, который всем поможет», — рассказывает «Медиазоне» его жена Ольга Голубева. Кроме боевого искусства, Андрей, по ее словам, занимался дизайном и преподавал *3D*-моделирование.

Когда во время пандемии коронавируса школа боевых искусств, где он работал, закрылась на карантин, Голубев пошел служить в пограничные войска в Кирилловке, но уже через год уволился и вернулся к занятиям с детьми. Примерно тогда же он вступил и в резерв 115-го батальона территориальной обороны Мелитополя.

«Андрей — патриот своей страны, и он всегда выражал свою позицию открыто, что он против захвата территории, что не понимает это, — говорит "Медиазоне" его жена. — Об этом он писал в своем фейсбуке. Я считаю, что с этим связано и то, что его похитили именно за это, за то, что он даже спорил с людьми, которые потом стали коллаборантами».

Когда 24 февраля раздались первые взрывы, Голубев, как рассказывал он потом в суде, сразу пришел в штаб территориальной обороны — как и был обязан по закону. Но все командиры уже покинули город.

«Я беспокоился о своем статусе, чтобы меня не посчитали дезертиром, так как в тот момент в Украине уже действовал закон, согласно которому за дезертирство грозило 15 лет лишения свободы. Это меня, конечно, пугало. Я пытался выяснить свой статус и узнать, есть ли возможность покинуть город», — вспоминал Голубев.

В итоге он остался в Мелитополе с женой, ребенком и матерью и, по его словам, в основном работал в саду, чтобы обеспечить семью овощами и фруктами.

4 апреля Голубеву позвонил Владимир Минко — они поддерживали связь — и попросил помочь поменять колесо на красной «Таврии», которая стояла неподалеку от его дома. У Голубева не оказалось инструментов, поэтому он обратился за помощью к знакомому по теробороне, Александру Жукову. Вместе они взялись за работу.

По словам Голубева, он надеялся, что водитель «Таврии» согласится вывезти его из оккупированного города; уже начались облавы на бывших военных и членов теробороны, и Андрей опасался, что могут прийти и за ним. Тем более что он знал: сотрудник военкомата Игорь Лысенко, с которым он в прошлом конфликтовал из-за спортивных соревнований, перешел на сторону оккупантов.

Андрей Голубев. Фото: Александра Астахова / Медиазона

«Я понимал, что он хорошо меня знает. Мы по теробороне ранее сталкивались и по спортивной линии. Я думаю, что Лысенко, возможно, имел какую-то обиду на меня. И когда я узнал, что он перешел на сторону России, я испугался, что он может передать обо мне какую-то информацию. Хотя я понимал, что за мной ничего нет. Да, я служил в армии, я этого не скрываю. Да, я служил в территориальной обороне, я этого тоже не скрываю. Мне нечего было бояться. Но все же я испугался, потому что слышал о том, что происходит много разных интересных вещей. И как потом выяснилось, это оказалось правдой», — рассказывал Голубев в суде.

По его словам, «Таврия», о которой говорил Минко, была в ужасном состоянии, и замена колеса не помогла — машина не заводилась. Голубев приходил к ней несколько раз и 5 апреля познакомился с Игорем Горловым, который как раз и ждал починки автомобиля, чтобы перегнать его в гараж.

«Мы посидели в машине, поговорили. Горлов попросил помочь ему толкнуть машину, но толкнуть ее тоже не получалось. Тогда мы стали пытаться катить ее. Машина завестись так и не смогла. Мы ее вернули обратно на место. После этого я ушел», — вспоминал Голубев.

Уже 6 апреля в шесть утра в дом Голубевых пришли российские силовики.

«Звонок в дверь. Я открываю, стоят вооруженные люди. Один с огромным щитом. Кто-то в российской форме. Два в балаклавах и черной одежде. Как будто они думали, что будет какое-то вооруженное сопротивление, — вспоминает жена Голубева Ольга. — Когда они забирали Андрея, они ничего не смотрели в квартире. Забрали телефон, паспорт. Был ребенок, наш сын, свекровь моя. Они угрожали, что будут стрелять по ногам. Вели себя грубо. А когда забирали его, сказали: "Будет сотрудничать — отпустим. Не беспокойтесь, скоро вернется"».

Ольга пыталась выяснить судьбу мужа через местные оккупационные власти, но везде слышала одно: «Пишите заявление, у нас его нет».

«В одном месте спрашивают: "Кто забирал, на какой машине?". Я так поворачиваюсь и смотрю — стоят эти машины, на которых его забирали. Говорю: "Вот они". Они улыбнулись, и все», — рассказывает она «Медиазоне».

Мать Голубева, которой под 80 лет, осталась в Мелитополе, а Ольга решила уехать из оккупированного города вместе с ребенком. Сейчас она публикует в фейсбуке стихи на украинском языке, которые Андрей начал писать в плену.

Сам Голубев в суде объяснял, что еще с начала 1990-х годов исповедует буддизм и его убеждения исключают насилие.

«Допускается защита, но не допускается причинение вреда. У меня отношение к обвинению двоякое. С одной стороны, это абсолютно абсурдно. Ни мои руки не писали, ни мой рот не говорил, ни моя голова не думала что-то подобное сделать. Для меня это дикость просто, — говорил он. — И второе: даже не тяжесть обвинения, а его ужас. Меня, человека, который всю жизнь пытался делать что-то хорошее людям, в результате обвиняют в том, что я хотел убить кучу своих сограждан, которых я знаю, которых я тренировал, которые знают мою семью, потому что они получали этот гумконвой. Неужели я бы обвинял человека, который пошел в этот гумконвой? Как я могу пытаться их убить? Как я могу смотреть потом в глаза людям, если выяснится, что я хоть палец к этому приложил? Меня это возмущает, понимаете?».

В приобщенной к делу переписке фигурантов дела с Владимиром Минко последний прямо пишет, что Голубев «не знал ничего про планы», его просили только поменять колесо.

Жуков

На следующий день после задержания Горлова и Голубева российские силовики схватили 56-летнего Александра Жукова, который помогал разбираться со старой «Таврией».

«Где-то в 5:30 я выглянула в окно, увидела вблизи двора два автомобиля и людей в военной форме. Поняла, что это к нам, потому что рядом живет только пожилая женщина и вряд ли она могла бы заинтересовать оккупантов. Успела разбудить папу и брата. Мы сидели на кухне, когда в дверь постучали

со словами: "Открывайте, милиция"», — рассказывала его дочь Евгения украинским журналистам.

Александр Жуков. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жуков работал электромонтером. Как говорил он в своих показаниях, до начала полномасштабной войны его участие в территориальной обороне было «пассивным» — числился водителем в 115-м батальоне.

Тем не менее 24 февраля он пришел в штаб, где встретил знакомого по батальону, Андрея Голубева; как подчеркивал Жуков, отношения у них были исключительно служебными. Горлова, Петрова и Зуева он до задержания лично не знал.

Как и родным Голубева, детям Жукова (он вдовец, его сын и дочь уже взрослые) тоже обещали, что отец скоро вернется домой.

«Издеваться и бить не будем, на хер нам старик нужен», — вспоминала слова силовиков Евгения.

В итоге Жукова не отпустили после допроса и, как он рассказывал позже в суде, избивали и пытали током.

Петров

Еще через день, 8 апреля, российские силовики задержали 64-летнего Юрия Петрова. Достигнув

предельного возраста службы, он вышел в отставку, примерно за год до начала вторжения, но состоял в том же Союзе ветеранов АТО.

Петров — старший из обвиняемых. Когда его задержали, младшей дочери Юрия было чуть больше двух лет. Уже после его ареста девочка умерла из-за отсутствия в оккупированном городе нормальной медицинской помощи. Петров узнал об этом, когда сидел в СИЗО «Лефортово» в Москве. Его жена и двое детей все еще остаются в Мелитополе.

Уже в суде Петров рассказывал, что однажды Минко попросил его «дней десять» подержать в гараже несколько коробок. Что было внутри, Петров, по его словам, не знал и не спрашивал.

Прошло больше десяти дней, Минко перестал выходить на связь, а вскоре началась война. Спустя какое-то время он снова написал и сообщил, что пришлет человека забрать коробки; в итоге за ними приехал Игорь Горлов, с которым Петров, по его словам, до этого не был знаком и только созванивался, чтобы договориться о встрече.

Юрий Петров. Фото: Александра Астахова / Медиазона

В протоколах первых допросов, которые есть в материалах дела, все выглядело немного иначе: тогда Петров говорил, что в коробках был «груз военного назначения», а перед тем, как передать их Горлову, он

якобы вскрыл упаковку и увидел, что внутри лежали мины и взрывчатка. Позже мужчина объяснил, что дал такие показания под пытками.

Зуев

44-летнего Владимира Зуева задержали первым, 1 апреля 2022 года. Он работал в компании, которая обслуживала системы видеонаблюдения, и тоже состоял в резерве теробороны. Но, возможно, внимание силовиков к Владимиру привлекло другое обстоятельство: его родной брат Александр Зуев воевал.

По крайней мере, в разговоре с украинскими журналистами сам Александр выдвигал именно такую версию. «Восемь вооруженных оккупантов вторглись в дом примерно в шесть утра и начали очень тщательный обыск. При этом сразу заявили, что знают, что брат "укроп" и "террорист"», — рассказывал он.

На первом допросе Владимир сказал, что брат командовал батальоном территориальной обороны в Мелитополе.

Дома у Зуева остался пожилой отец, силовики допросили его, но трогать не стали. Позже он умер. «Папа один остался, без ног лежал. Там некому даже было попросить к нему сходить. Боялись к папе подойти, и отец Зуева умер», — говорит «Медиазоне» Ирина Горлова.

Зуев в разводе, его дочь-школьница живет с матерью за границей. Девочка смогла завести переписку с отцом через сервис «Зонателеком».

Владимир Зуев. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Обвинение и переписки

Мотив, который, по мнению российских следователей, побудил пятерку мелитопольцев вступить в «террористическое сообщество», можно описать парой слов: это неприятие оккупации.

В обвинительном заключении эта простая и понятная мысль растянута на целую страницу: следователи многословно объясняют задачи «специальной военной операции», упоминая в том числе «защиту населения Украины от издевательств и геноцида со стороны действующего руководства Украины». Обвиняемые, гласит документ, решили устроить акт международного терроризма, чтобы нарушить «мирное сосуществование государств и народов».

При этом в материалах даже не указано место планируемого теракта, говорится только, что «выбор конкретного объекта и точное место установки взрывного устройства» Минко, которого следствие называет лидером «террористического сообщества», «отложил до дня совершения преступления».

По версии обвинения, Игорь Горлов вступил в подпольную организацию в Мелитополе и, следуя указаниям Минко, собирал оружие, боеприпасы и взрывчатку, пряча их в оборудованных тайниках. В гаражах и укрытиях, которые, как утверждает следствие, он обустроил, нашли автоматы Калашникова, переносные зенитно-ракетные комплексы «Игла», фугасные заряды, запалы, элементы для самодельных мин, детонаторы и переделанные для дистанционного подрыва мобильные телефоны. Все это, считают силовики, предназначалось для взрывов в Мелитополе, вблизи мест, где выдавалась гуманитарная помощь.

В обустройстве в собственном гараже тайника с оружием обвиняют и 64-летнего ветерана Юрия Петрова.

Сам Горлов в суде говорил, что признает только факт хранения оружия. Он объяснил, что на второй день войны, 25 февраля 2022 года, ему позвонил бывший сослуживец и попросил уничтожить забытые при эвакуации личные дела военных. Горлов отправился в часть в тот же день и увидел, что «там полно гражданских». Кроме документов, он обнаружил и оставленный в оружейной арсенал.

«И я посчитал необходимым его оттуда вывезти, потому что там было много гражданских и детей. И я боялся, что оно попадет в плохие руки», — говорил Горлов. Оружие он погрузил в свою машину, позвонил Минко и по его указанию спрятал в гараже.

Горлов объяснял: сразу после начала полномасштабной войны он записался в территориальную оборону, Минко стал его непосредственным командиром, он был обязан выполнять приказы.

Горлов сначала привез оружие в свой гараж, потом перепрятал его, оборудовав схроны, и, наконец, согласился перегнать машину. Он настаивал, что подрыв «Таврии» они даже не обсуждали; если бы Минко и предложил взорвать машину в людном месте, он бы отказался, сочтя это «незаконным приказом».

Андрей Голубев, Александр Жуков и Владимир Зуев, согласно обвинению, отвечали за сбор и передачу информации о расположении российских войск в Мелитополе. Зуев, кроме того, должен был установить защищенный мессенджер *Threema* на телефоны всех участников подполья и найти кого-то, кто умеет стрелять из РПГ-22.

После задержания у всех пятерых изъяли телефоны. Российские следователи утверждают, что все подсудимые состояли в закрытом чате «115-й батальон теробороны» в вайбере, где координировали свои действия с Владимиром Минко. Именно этот чат, а также личные переписки Минко с отдельными фигурантами легли в основу обвинения в создании «террористического сообщества».

При этом переписка из чата, которая есть в материалах дела, охватывает только первые несколько дней вторжения. Кто-то из собеседников действительно пишет, где видел российских военных,

но, например, Александр Жуков в основном эмоционально ругает оккупантов и добавляет: «Русский корабль, иди на хуй», а Юрия Петрова вообще нет в чате.

Наиболее интенсивная переписка с Минко велась с телефона Игоря Горлова. Однако большая часть сообщений написана после 6 апреля — Горлов тогда уже был в руках российских силовиков.

В суде он рассказывал, что сразу после задержания у него отобрали телефон, а общение в чатах продолжали от его имени — и даже несмотря на это, в переписке ни разу не упоминается теракт у пункта раздачи гуманитарной помощи. Об этом не пишут ни Минко, ни его собеседник, выдающий себя за Горлова, который лишь упоминает, что машина «заряжена».

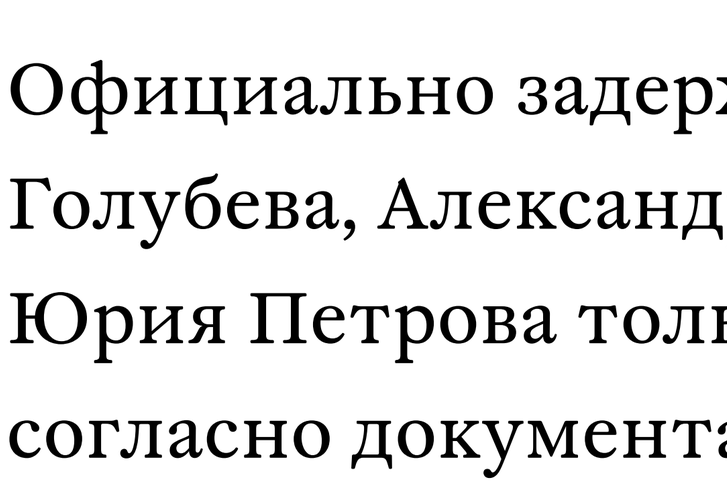
Горлов говорил, что лишь однажды ему разрешили самому коротко поговорить с Минко; перед звонком его проинструктировали, как себя вести. Периодически он отправлял Минко и голосовые сообщения, их он тоже записывал под надзором силовиков.

В один из последних дней переписки, 15 апреля 2022 года, Минко просит потерпеть еще чуть-чуть и обещает, что скоро Горлов сможет уехать, куда захочет. К тому моменту тот уже больше недели находился в плену и подвергался ежедневным пыткам.

В качестве еще одного доказательства следствие приводило показания двух украинцев, Дмитрия Сергеева и Дмитрия Голубева[6], которые проходили

обвиняемыми по другим делам о подготовке терактов. На допросах Сергеев и Голубев утверждали, что Владимир Минко говорил им о плане взорвать машину в Мелитополе и арестованных исполнителях. Однако, уже выступая в суде по видео-конференц-связи, свидетели отказались от этих показаний.

Дмитрий Голубев сказал, что его пытали и он сам не помнил, какие бумаги подписывал на следствии. Он подтвердил, что Минко мог упоминать о какой-то акции, но без деталей, и о взрыве автомобиля у пункта гуманитарной помощи в Мелитополе он точно не говорил. На вопрос адвоката Марии Эйсмонт, не следователь ли подсказал ему все эти подробности, свидетель ответил: «Да».



Горлов (слева) со следами на шее после попытки суицида. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Пытки

Официально задержали Игоря Горлова, Андрея Голубева, Александра Жукова, Владимира Зуева и Юрия Петрова только 20 апреля 2022 года — согласно документам, прямо в здании УФСБ по Крыму. На следующий день всех пятерых отправил в СИЗО Киевский районный суд аннексированного Симферополя.

При этом адвокат Горлова Мария Эйсмонт в суде отмечала, что, согласно материалам

дела, «мероприятия, направленные на задержание» пятерых украинцев, начались еще 2 апреля 2022 года в Мелитополе и продолжались до 8 апреля.

Защитница сослалась на рапорт сотрудника ФСБ, который писал, что «противоправная деятельность» Зуева, Горлова и других была пресечена «в период с 3 по 8 апреля», причем к ним применялись специальные средства — наручники.

Упомянутые в обвинительном заключении даты обысков в гаражах и схронах Горлова и Петрова — 6 и 8 апреля 2022 года, маловероятно, чтобы в это время хозяева еще оставались на свободе.

Таким образом, в первые две недели статус мелитопольцев оставался неопределенным — строго говоря, они были похищены.

Игорь Горлов и Владимир Зуев. Фото: Александра Астахова / Медиазона

В суде защитники обратили внимание, что в материалах дела ничего не говорится о том, когда, каким образом и на основании каких документов иностранных граждан перевезли из Мелитополя, тогда еще не аннексированного Россией, в Симферополь. Адвокаты просили запросить сведения об этом в УФСБ по Крыму, но ответа так и не получили.

Свидетель Евгений Брусик, которого 19 апреля привлекали в качестве понятого при осмотре той самой красной «Таврии» у КПП «Джанкой», в суде утверждал, что машину со взрывчаткой, как сказал ему один из силовиков, остановили прямо у пункта пропуска. Рядом стояли несколько мужчин, которых он принял за задержанных.

«Да, со слов сотрудника, машина стояла, сказали, что ехали к границе и их задержали», — повторил он, отвечая на вопросы защиты. Однако прокурор напомнил Брусику, что в протоколе его допроса записано другое: сотрудники ФСБ якобы объяснили ему, что автомобиль «Таврия» был изъят в городе Мелитополь. Брусик подтвердил и это, а потом сказал, что ничего не помнит.

После того, как в апреле 2023 года дело дошло до Южного окружного военного суда в Ростове-на-Дону, все пятеро фигурантов подробно рассказали, что на самом деле с ними происходило с ними после похищения.

Большую часть времени процесс был открытым, но в конце октября 2024-го его неожиданно закрыли. «Медиазоне» в пресс-службе суда тогда сообщили, что об этом просил прокурор в связи с «исследованием доказательств, которые не должны стать достоянием общественности» — переписки подсудимых и технических деталей изготовление СВУ.

Однако на следующий день тот же суд по ходатайству прокурора закрыл процесс над 18 украинцами из батальона «Айдар». Гособвинитель

тогда мотивировал свою просьбу тем, что «процесс получил широкий общественный резонанс и имеются основания полагать, что безопасность участников судебного разбирательства, а также их близких родственников, находится под угрозой».
Он сослался на пост украинского блогера Дмитрия Гордона: «Мы знаем много обо всех этих и других рашистских судьях. Путинские судьи уже не в первый раз устраивают судилище над украинцами. Все они понесут наказание за это. У нас уже есть все данные на судей, которые выносили приговоры защитникам Азовстали и другим захваченным гражданам Украины».
Возможно, процесс «мелитопольской пятерки» закрыли по той же причине. Тем не менее, рассказать о пытках, пока заседания еще были открыты для прессы, успели все подсудимые.

— Вы подписали [показания] под каким-либо принуждением? Хорошо, давайте проще: в этих показаниях изложена правда или нет? — спрашивал судья Сергей Горелов у Горлова.

— Во всех показаниях изложена правда, ваша честь, — усмехнулся Горлов. — Когда твоя семья находится в оккупированном городе... Я бы что угодно подписал, даже убийство Кеннеди взял бы на себя. Что мешало им расправиться с моей семьей? В принципе, это потом и произошло: мать успела уехать, отец был похоронен.

— То есть эти показания были даны под давлением?

— Да. Я прекрасно понимаю: моя семья осталась в оккупационном городе. На них тоже оказывали

давление. Я был готов подписать все, что угодно. Я соглашался со всем, что мне давали, чтобы защитить свою семью.

— Показания соответствуют действительности или нет? — напирал судья.

— Частично, — ответил Горлов, подчеркнув, что не собирался совершать никаких терактов против гуманитарного конвоя. Наконец, судья прямо спросил украинца, кто его пытал.

— Не могу сказать точно, — сказал Горлов. — Те люди, которые держали меня в плену. Последний раз, когда меня сняли с электростула и бросили, ко мне подошел один из сотрудников и сказал: «Ты многое не договорил. Мы многое знаем. Завтра твоих родителей посадят на стул. Вся процедура будет проходить с ними. А ты будешь просто наблюдать». Я пытался покончить с собой — перерезал себе горло. Меня увезли в реанимацию, к сожалению, откачали. Я понимал, что моя семья осталась в заложниках.

Горлов настаивал, что никакой взрывчатки в машине не было: его задержали почти сразу после того, когда ее наконец удалось завести и перегнать в гараж, а дальнейшие события были инсценировкой силовиков.

— После того, как меня задержали, мне натянули куртку на голову, примотали скотчем, погрузили в какую-то машину, сзади по бокам сели люди, которые с двух сторон задавали мне быстро вопросы и при этом наносили удары по корпусу, — вспоминал он.

Горлова привезли в какое-то помещение, усадили на стул и примотали к нему ноги, руки сковали за спиной наручниками и приступили к пыткам.

— К большому пальцу правой руки мне примотали провод, а второй провод, сняв кроссовок, примотали к мизинцу левой ноги. Потом со мной начали беседы. Сразу мне сказали, понимаю ли я, где я нахожусь, и что сейчас будет, после чего начали подавать напряжение и при этом проводить допрос, — рассказывал Горлов. — Били током, задавая вопросы, кто я, где я служу, какое подразделение, где оружие, кому подчиняюсь, кто еще в городе, кого знаю. При этом подача тока была очень сильной. Останавливались только для того, чтобы наносить ряд ударов в районе солнечного сплетения.

В течение нескольких следующих дней Горлова вывозили на следственные действия, заставляя по несколько раз переснимать заученные признания на камеру, а между съемками держали пристегнутым к батарее или пытали, несмотря на то, что он уже согласился дать нужные показания.

— Вопросы были уже практически одни и те же: зачем нужно оружие, для чего создавались схроны. Очень сильно настораживал момент с переносным зенитным ракетным комплексом. Из-за этого долго проводили допрос, долго жгли током, поливали водой. Из-за этого на коже оставались ожоги, — описывал пытки Горлов.

В один из дней, когда мелитополец приходил в себя после пыток, к нему зашел кто-то из силовиков и сказал, что Минко снова вышел на связь и «рассказал

много интересного» — такого, о чем сам Горлов якобы умолчал.

— Он сказал, что с завтрашнего дня система допросов поменяется, вместо меня будут сажать моих родителей, которые оставались в Мелитополе, а я буду сидеть и смотреть, как все это будет происходить, — говорил в суде Горлов. — На тот момент я прекрасно понимал, что они действительно могут это сделать. Прошел эту процедуру, долго находясь у них, я прекрасно понимал, что это будет. Я тогда долго пытался прийти в себя.

Именно после этого Горлов попытался покончить с собой, но его успели довезти до больницы.

Мать украинца прочитала об этом в местном телеграм-канале[7]. В посте не было ни фотографии, ни имени пленника, поэтому она не поняла, что речь шла об Игоре. Адвокат Мария Эйсмонт рассказывала Русской службе «Би-би-си», что тоже запомнила этот пост и только потом, приступив к защите Горлова, поняла, что писали о нем.

«У меня больше никого нет, кроме Игоря, — говорит Ирина Горлова. — Он разведен и в браке у него не было детей. И больше родственников у меня нет в Украине, потому что мои родители родом с России. С родней, которая живет в России, я не общаюсь, потому что в день, когда нас бомбили в первый раз, я позвонила своей двоюродной сестре, которая живет в Подмосковье. Я ей сказала: "Лена, нас бомбят", на что она мне ответила: "Правильно делают". Я положила трубку, на этом все закончилось. Я поняла, что у меня никого нет».

Андрей Голубев в суде вспоминал, что после задержания его две недели продержали в подвале. Он днем и ночью сидел на стуле пристегнутым к трубе, ему делали «уколы каким-то веществом», постоянно били, пытали током и дважды имитировали расстрел, «щелкая у уха пистолетом».

— Они мне даже не говорили, в чем я виновен, — рассказывал Голубев. — В основном, всю ситуацию я понял уже к моменту, как меня вывезли в Симферополь. То есть я единственно понимал, что какой-то теракт, какие-то взрывы. Только какое отношение я к этому имею, я не знал, я не понимал. Потом мне уже следователь объяснил, что вы хотели взорвать машину около конвоя. Я сказал, что это невозможно. Я им говорю, возьмите фейсбук, посмотрите мои слова.

Об избиениях рассказывали и все остальные подсудимые.

— Конечно, на меня оказывалось давление. Русский язык очень богатый и могучий, так что «оказывалось

давление» — это еще мягко сказано, — говорил Юрий Петров. — Следователь просто улыбался, а рядом стояли четыре мордоворота, которые в любую секунду могли убить, избить — все что угодно. И сам следователь Чумакин, этот великий деятель, сказал:(«Знаешь, в Симферополе, как и везде, люди пропадают». А я очень хорошо знаю, что это такое. Очень хорошо.

«Медиазоне» защитница Петрова Вера Гончарова рассказала, что заявление о произвольном задержании и недозволенных методах следствия они составили еще во время предварительного расследования.

«Следователь якобы выделил материал для проведения проверки. Потом я жаловалась в прокуратуру о том, что никакой проверки не было, никого не опрашивали. Прокурор с моими доводами согласился, но опять ничего не произошло. Затем суд требовал проведения проверки заявлений о пытках (не только Петров об этом говорил), получен отказ в возбуждении уголовного дела. Я снова обжаловала. Ситуация осложнялась тем, что почтового сообщения с Запорожьем не было, а гарнизонная прокуратура перемещалась все время», — говорит адвокат.

Эти отказы Гончарова в свою очередь обжаловала в Запорожском гарнизонном суде. Их еще не рассмотрели. «Суд не может выносить приговор, пока законность постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела не проверена судом», — подчеркивает защитница.

Александр Жуков, объясняя в суде, почему подписал признательные показания, вспоминал, что после задержания 7 апреля 2022 года его почти все время держали с мешком на голове, били током и избивали. «Я не видел, кто это делал, — говорил Жуков. — Все время был в мешке».

Позже, в здании ФСБ в Симферополе, ему просто дали подписать протокол, в котором говорилось, что Голубев рассказывал ему о плане подорвать «Таврию».

«Пришел адвокат [по назначению], а я был без очков, читать не мог, о чем сказал. Говорят: "Подписывай, тут все нормально", — вспоминал в суде Жуков. — Голубев просто попросил поменять колесо, [я] пошел с ним, поменял и пришел домой. Это было как раз перед комендантским часом».

В 2023 году защитники мелитопольцев всерьез беспокоились за здоровье Жукова. Он резко похудел, выглядел истощенным. Обследования и лечения в СИЗО не проводили. Тем не менее, спустя какое-то время Жукову стало лучше. Адвокаты предполагают, что, возможно, потеря веса была связана с пережитым стрессом.

Александр Жуков. Фото: Александра Астахова / Медиазона

О пытках током говорил и Владимир Зуев. Он рассказал, что после задержания его привезли в

здание бывшего отдела по борьбе с оргпреступностью в Мелитополе, где стали расспрашивать о брате и других участниках теробороны. По его словам, почти все время до перевода в «Лефортово» он провел с мешком на голове и в наручниках.

«Каждый раз, когда выводили из камеры, надевали мешок. И били», — вспоминал Зуев. Свои признательные показания он тоже назвал вынужденными: «Я писал их под пытками. И про машину ничего не знал — меня заставили сказать, что якобы я всех знал».

Две недели назад процесс над мелитопольцами дошел до прений, и гособвинитель попросил признать всех фигурантов виновными и назначить им от 14 лет 10 месяцев до 16 лет заключения, сообщал ТАСС. Агентство ссылалось на «представителя суда», якобы передавшего информацию с закрытого заседания.

Самый большой срок — 16 лет — прокурор неожиданно запросил Александру Жукову, который даже согласно обвинению только помогал поменять колеса на «Таврии».

Чуть меньше — по 15 лет и 10 месяцев — гособвинитель запросил Владимиру Зуеву (судья по материалам дела, он оставил несколько сообщений в чате теробороны), и Андрею Голубеву. Игоря Горлова прокурор попросил приговорить к 15 годам колонии, а Юрия Петрова — к 14 годам и 10 месяцам.

«У меня оптимизма очень мало, — говорила "Медиазоне" еще до приговора жена Голубева Ольга. — И я, и сын, и его мама очень его ждем. Но

очень страшно, что это может быть растянется на многие-многие годы. Я понимаю, он может и не выжить в этих условиях».

29 апреля Южный окружной военный суд вынес приговор: все подсудимые получили меньше, чем просил прокурор.

Игорь Горлов — 14 лет, Андрей Голубев — 12, Владимир Зуев — 11, Александр Жуков — 12, Юрий Петров — к 14 лет.

Первые пять с половиной лет срока осужденные будут отбывать в тюрьме, потом — в колонии строгого режима.

Адрес для писем:

344022, Ростовская область, Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, д. 219, ФКУ СИЗО-1
Голубеву Андрею Юрьевичу 1977 года рождения,
Горлову Игорю Юрьевичу 1987 года рождения,
Петрову Юрию Анатольевичу 1961 года рождения

———————————————————————

344064, Ростовская область, Ростов-на-Дону, ул. Тоннельная, д. 4, ФКУ СИЗО-5
Жукову Александру Анатольевичу 1969 года рождения, Зуеву Владимиру Александровичу 1978 года рождения
Работает сервис «Зонателеком»

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Все приведенные в этом тексте цитаты взяты из выступлений в открытых заседаниях. Суд закрыл процесс только в октябре 2024 года.

2. Часть 2 статьи 205.4 УК.

3. Часть 1 статьи 30, часть 1 статьи 361 УК.

4. 16-й окремий полк підтримки (16-й отдельный полк поддержки), относится к инженерным войскам.

5. Транспортное средство, то есть машину.

6. Однофамилец, но не родственник Андрея Голубева.

7. Сейчас пост удален, а канал сменил редакционную политику и стал откровенно пророссийским.